

> МАГИСТРАЛЪ >

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

КГВТ+

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Художественное оформление
Натальи Портяной

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 КГВТ+ / Виктор Пелевин. — Москва :
Эксмо, 2023. — 560 с. — (Магистраль. Главный
тренд).

ISBN 978-5-04-189118-3

Вбойщик КГВТ+ (автор классических стримов «Катастрофа», «Летитбизм» и других) известен всей планете как титан перформанса и духа. Если вы не слышали его имени, значит, эпоха green power для вас еще не наступила и завоевавшее планету искусство B2B (brain-to-brain streaming) каким-то чудом обошло вас стороной.

Но эта книга — не просто очередное жизнеописание звезды шоу-биза. Это учебник успеха. Великий вбойщик дает множество мемо-советов нацеленному на победу молодому исполнителю.

КГВТ+ подробно рассказывает историю создания своих шедевров и комментирует сложные факты своей биографии, включая убийства, покушения и почти вековую отсидку в баночной тюрьме, а также опровергает многочисленные слухи о своей личной жизни.

Настоящее издание впервые включает повесть «Дом Бахии» о прошлой (предположительно) жизни легендарного вбойщика в Японии и Бирме.

Книга не только подарит вам несколько интересных вечеров, но и познакомит с аутентичными древними психотехниками, применение которых позволит пережить нашу великую эпоху с минимальным вредом для здоровья и психики.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189118-3

© В. О. Пелевин, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Описанные в книге люди, баночно-мозговые сущности, события и обстоятельства — вымышлены. Всякое сходство с экстралингвистической действительностью случайно. Любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинородного ума и подсознательным вредительством (статья 83.34 уголовного уложения Доброго Государства).

Said the straight man
To the late man:
«Where have you been?»
I've been here and I've been there,
And I've been in between.

King Crimson

THE STRAIGHT MAN. ДОМ БАХИИ

В наш грозный двадцатый век с его верой в могущество разума и «коллективное творчество масс» (певцы прогресса отчего-то не узнают в нем отката к пирамидам), солдатом быть почетно, а служителем культа стыдно. Достоинства и недостатки моего происхождения, таким образом, уравнивали друг друга.

Не буду называть своего прежнего имени. Оно теперь не играет роли (в конце рассказа причина станет ясна). Я отпрыск самурайского рода, отличившегося в войнах, давшего стране много воинов и — нелепое, но обычное соседство — буддийских бонз. По семейной традиции я должен был стать священником, а со временем — настоятелем небольшого храма недалеко от Токио.

С раннего детства я мечтал о творчестве. Увы, я был начисто лишен талантов. Кое-чего достиг только в каллиграфии и, как ни странно, кукольном искусстве.

Недалеко от моего дома жил старый мастер, делавший кукол *хина* и *муса* для ежегодного

го кукольного фестиваля. Он трудился целый год и продавал весь запас за несколько первых дней марта. Работал он не спеша.

Я приходил к нему и подолгу смотрел на его труд, подавая материалы – ткани, набитые соломой мешочки, кусочки дерева (они были окрашены в белый цвет ракушечным пигментом), крохотные прически, сделанные из черного шелка или женских волос. Император, императрица, придворные...

Особенно мне нравились куклы воинов. Я помогал мастеру, когда он делал фигурки Тоетоми Хидэеси и его генералов. Меня волновал блеск лака на шлемах и доспехах. Оружие из тонких металлических пластинок было по-настоящему острым – один раз я здорово порезал палец крохотным мечом.

Я знал, что эти куклы живы – хоть, может быть, и не так, как я. Практически без помощи старика я сделал из отходов его производства пару самураев, сидящих на походных стульях. Старик одобрил мою работу, сказав, что у меня есть призвание к этому искусству.

Сам же я был куклой не вполне для Японии обычной. Воспитывали меня в вольнолюбивом светском духе – и образование мое было весьма глубоким, с европейским уклоном. Я несколько лет посещал Токийский императорский университет.

Выучив английский (и немного немецкий), я прочел в оригинале уйму великих книг, обучавших жителей Европы убивать своих королей и жечь города. В китайской древности жечь предпочитали именно смутные книги — и с превосходным для общественной нравственности результатом. Но времена изменились.

Латинские буквы всегда напоминали мне крохотные сосуды — бутылочки, чашки, изогнутые мензурки и витые пробирки. Содержащийся в них яд сомнения и свободы отравил мой доверчивый юный мозг, и я стал воспринимать духовную традицию, которой призван был служить, с известной долей скепсиса.

Выйдя из университета, я провел несколько лет в монастырях, где постигал учение Будды — вернее, его недостоверное, но прекрасное эхо, распространившееся в Китае и стране Ямато. Вместе с другими монахами я стучался в двери минувшего, решая учебные загадки-коаны и предаваясь созерцанию.

До сих пор помню узор на досках пола, куда я смотрел из-под опущенных век, держа в уме *му-коан* — такой же неизбежный в Дзен, как прыщи в юности.

Мастера Джошу спросили, обладает ли собака природой Будды. Он сказал «му», то есть «нет». В чем смысл такого ответа?

Как решал этот парадокс двадцатый век?

На самом деле мастер Джошу иногда говорил «да», иногда «нет». Природу Будды имеет все живое; обладать природой Будды нельзя, ибо кто есть обладатель, и так далее — эти инстинктивные движения ума ведут к ошибке. Ум при решении коана должен молчать. Отвечать нужно точно так же, как Джошу: звуком «му», не вкладывая в него ни «да», ни «нет». «Му» — это просто «му».

В школе Риндзай это знает любой служка. Учитель проверяет, насколько яростно и непобедимо мычит ученик, до какой степени он растворяется в своем мычании; звук «му» должен исходить из низа живота и обладать несокрушимой силой...

Вдумавшись в происходящее, уже тогда можно было понять, что Империю готовят к страшной бойне. Но задним умом сильны мы все.

Мое «му» никогда не было особенно сильным. Ум не желал умолкнуть — и видел в практике коанов удобный бюрократический протокол, за которым целые поколения настоятелей и бонз могли без труда спрятать свою тупость.

Секта Дзен, отрицая ритуалы, сводит к ритуалу вообще все; но ритуал этот засекречен и ученики гадают о том, как бы им не сесть в лужу. А старшие монахи и мастера, знающие

секретный протокол, тем временем выпивают, спят и изображают мудрость. Когда понимаешь это, становится смешно.

Сводить коаны к ритуалу, конечно, неверно — в них был когда-то смысл, и глубокий. Но за века их лезвие затупилось. Где сегодня взять монаха, подходившего к Джошу со своей заботой о природе Будды? Фальшь здесь в том, что тебя заставляют отвечать на вопрос, который перед тобой не стоит, и просветление от такого метода будет в худшем случае декоративным, а в самом лучшем — еле слышным эхом чужих озарений.

«Не опираться на слова и писания...»

Эх-эх, шептала европейская часть моего ума, вот насмешили. Ведь и коан про «му» — это из области слов и писаний. Откуда же еще? Секта Дзен не опирается на слова Будды, это факт — но очень ценит черные сопли собственных бонз, размазанные по бумаге.

Слова и писания занимают в секте Дзен такое же место, как половые сношения в викторианской Англии: все тщательно делают вид, что подобного не существует, но хорошо знают, вокруг чего вертится на самом деле жизнь.

Мой вольнолюбивый скепсис, однако, проявлялся не в том, что я подвергал сомнению постулаты Учения, а в том, что я презирал условности, которые следовало — хотя бы внешне —

соблюдать монаху и священнику. Лицемерие казалось мне отвратительным.

Я не делал особых усилий, чтобы скрывать обычные для молодого человека наклонности и импульсы, и в результате одной некрасивой, но не слишком серьезной истории, получившей огласку, распрощался и с монашеской робой, и с семейной привилегией.

В семье мне этого не простили. Оправдываться я не стал.

Сейчас это кажется странным, но я почти не ощутил горя от разрыва с близкими. Да что там, я почти не заметил случившегося. В то время воздух был пропитан электричеством; мир стоял на пороге величайших перемен, и страна Ямато готовилась сказать человечеству свое грозное непререкаемое «му».

Монастырская жизнь, что бы про нее ни говорили, закалила меня. Я привык вставать в предутренней темноте, мыться ледяной водой и довольствоваться простой и грубой пищей. Эти навыки вряд лигодились бы мне, стань я действительно настоятелем храма — но в армии они кстати.

По случаю своего вступления в ряды императорской армии я написал стихотворение, подводящее итог моим душевным метаниям:

Пистолет
системы «Намбу».
В обойме восемь «му».

Так я оказался младшим офицером в Бирме.

Сразу получить чин помогло знание английского и немецкого. Меня планировали использовать для допросов пленных англичан и коммуникаций с германским союзником. Поэтому на передовую я не попал.

*

Я уже говорил, что считал себя европейцем в душе — но мысль о надвигающейся битве с англичанами, владыками морей и хозяевами мира, наполняла меня одновременно восторгом и страхом.

Европейской стороной своего ума я понимал эту раздвоенность вполне: *эдипусу-комплексу*, или, говоря проще, мазакон. Аффект, связанный с фигурами отца и матери.

Как учит пророк психоанализа Фрейд, человек испытывает к отцу противоречивые чувства, смесь почтения с подсознательным желанием убить старика и занять его место (я сам не читал Фрейда, но часто наталкивался на пересказ этих идей в популярных журналах).

Я вспомнил об этом, когда впервые увидел в бирманских джунглях мертвого англичанина.

Меня поразили цвет его кожи — темный, почти коричневый. Он был еще молод, но лицо его выглядело морщинистым и старым, как бы задубевшим под ветром и солнцем. Он похо-

дил на мумию, колдовством поднятую из праха и отправленную воевать.

Его форма была выцветшей и старой, а голову покрывала белая тряпка, которую я сперва принял за марлевую повязку. Но это оказался тюрбан — он, видимо, хотел защитить себя от солнца. На его рукаве была странная нашивка со злобно выгнувшей спину черной кошкой.

Все в его облике выдавало такую обездоленность и нищету, такое личное ничтожество, что меня передернуло от отвращения и сострадания.

И эти люди владеют миром? Если так, пришло время бросить им вызов... Впервые в жизни я ощутил себя частью восходящей нации, вышедшей биться за великое будущее. Самое главное, я почувствовал наше право на такое будущее. Что бы ни шептала моя европейская часть, теперь она будет знать свое место.

Через несколько минут мне объяснили, что передо мной всего лишь мертвый индус из семнадцатой дивизии — англичане, как обычно, сумели заставить одних азиатов убивать других.

Ощущение морального превосходства над культурой белого человека, испытанное из-за глупой ошибки, было, конечно, сладким, но недолгим; это была галлюцинация голодного матроса, увидевшего на горизонте соткавшуюся из тумана землю и решившего, что на нее можно поставить ногу.

Наивно полагать, что военная пропаганда не действует на мозги. К счастью, я понял это сам.

Случай этот заставил меня задуматься и о другом.

Эти люди — индусы, чьи неубранные трупы лежали в джунглях — когда-то подарили миру учение Будды. А потом вернулись к провинциальному водевилю индуизма с его карнавальными мифами и зооморфными богами, поступив с дарованной им истиной примерно как иудеи с приходившим к ним Христом. Я в некотором смысле был духовным наследником древних индусов, жильцом пещер, покинутых ими еще в Средние века.

Это было поразительно.

Впрочем, так же обстояло и с христианством в Европе. Современный европеец не видит ничего странного в том, чтобы поедать отвергнутое евреями тело их пророка. Пути культуры и духа неисповедимы. Но все-таки, все-таки... Неужели прекрасный бронзовый будда из Камакуры родом из нищей тьмы?

Вся Бирма полна изваяний Будды — сидящих, стоящих, лежащих в паринирване: их здесь больше, чем статуй Ленина и Сталина в большевистской России. Но раньше я не задумывался над тем, что учение Будды сохранилось в этих джунглях почти в том самом виде, в каком существовало при его жизни.

Это был буддизм Малой Колесницы, которую Большая Колесница презирала.

Редкий мастер Дзен не уделит нескольких ядовитых слов «последователям сутр», и отношение, конечно, передается ученикам. Сарказм этот даже не направлен на адептов Малой Колесницы: поговорив со здешними монахами, немного знавшими английский, я понял, что «сутрами» мы называем совершенно разные вещи.

Никто здесь слыхом не слыхивал про Сутру Сердца, заучиваемую в нашей секте наизусть. Я прочитал одному монаху мантру оттуда – самую распространенную в дальневосточной Махаяне. Ее они точно должны были знать:

Gyate Gyate Naragyate Harasogyate Wojisowoka...

Но оказалось, что у них в ходу другая главная мантра, почти повторяющая этот ритмический рисунок:

Namo Tassa Bhagavato Arahato Samma Sambuddhasa...

Мантра из Сутры Сердца, если попытаться перевести ее (что сложно сделать точно), означает следующее: «уходящее, уходящее, далеко уходящее, дальше далекого уходящее, просветление, славы». Бирманцы же говорят нечто вроде: «поклон ему, благословленному, совершенному, самопробужденному».

Как будто кто-то подменил старинное заклинание другой последовательностью слов, близкой по длине и звучанию.

Высокая поэзия – и ритуальная формула, возвеличивающая Будду. И в том и в другом была красота, но такая разная.

В мантре из Сутры Сердца билось сердце возвышенной эпохи Нара, там были треск сверчков, рябь ветра на воде, отразившаяся в пруду луна – вся поэзия страны Ямато.

Бирманская формула как бы впитала в себя пыль веков, она завораживала своей древностью – была, кажется, старше Римской Империи и даже походов Александра Македонского.

Я мало знал про учение Малой Колесницы. Слышал только, что оно опирается на сутры Палийского канона и содержит строгие правила, регламентирующие каждый монашеский чих. Мне казалось, это просто набор архаичных форм, пустая шелуха зерна, из которого выросло великое дерево Махаяны. Все, что было в этом зерне живого, давно уже приняло другие формы... Так меня учили.

*

Пока я разглядывал статуи Будды, беседовал с монахами и размышлял о высоком, война разгоралась – но я оставался в тылу.

До меня доходили смутные слухи о зверствах, совершаемых нашими солдатами на мате-

риковом Китае. Я не знал, правда это или военная пропаганда врага. Но, если честно, кого из солдат, пригнанных на убой, заботят такие вещи? Мир слишком жесток к ним, чтобы они заботились о других. Лучшие из военных думают о судьбах Империи, худшие — о своей шкуре...

Я был, пожалуй, из худших, хотя шкурой своей полагал скорее совесть, чем тело. Я не мог остановить маховик смерти, но решил в душе, что умру по своей воле, если меня заставят убивать мирных людей. К счастью, благодаря хорошей карме я был избавлен от соучастия в жестокостях. Из-за статуса переводчика мне не нужно было обагрять руки кровью.

Англичане отступали по всему фронту. Наши лихо обошли Рангун — но после этого германского по своей стремительности маневра зачем-то сняли блок-посты на ведущем из города шоссе, позволив врагу уйти. Произошло это, как часто бывает, из-за слишком буквального следования приказу. Но Рангун в любом случае достался нам, английский радар в нем больше не работал, и наши летчики смогли наконец взяться за работу.

Вроде бы кампания развивалась по плану, но в середине апреля произошло событие, в котором можно было увидеть тревожное предвестие будущего. Американцы в первый раз бомбили Японию с воздуха — им удалось под-

нять с авианосцев дюжину средних бомбардировщиков, ушедших потом в Китай и Россию. И хоть ущерб был невелик, это казалось дурным знаком.

Но у нас в Бирме все было в порядке — пока что. Мы побеждали. Враг уходил в Индию. Мы гнали бы его и дальше, но поступил приказ остановить наступление.

Начался муссон.

*

С мая по сентябрь в Бирме идет дождь. С неба льет вода, и сильный ветер заносит ее во все щели. Все гниет; жить становится настолько противно, что война как-то сама затихает — ведь главная ее цель в том, чтобы причинять людям муку, а какой в боевых действиях смысл, когда всем плохо и так?

Мои функции штабного переводчика сводились к переводу вражеских радиogramм. Перехватывали их редко, пленных не было, немецкие подводные лодки не делали в наши джунгли дружеских визитов (хотя в дни сильных ливней мне казалось, что могли бы вполне), и я бездельничал даже не днями, а целыми неделями.

Официально мы боролись не то с партизанами, не то с китайскими диверсантами. Наше подразделение оставалось на месте почти полгода, и за это время я завязал несколько пре-

красных, но не слишком приличествующих солдату знакомств.

Я говорю не про местных женщин, чьи неискренние стоны так уютно сливаются по вечерам с шумом дождя и ликующим бляньем жаб. Менять продукты питания на любовь — это для солдата обычное дело, но сам я подобных связей избегал.

Рядом с деревней, где разместился наш штаб, был монастырь со странным названием «Дом Бахии». Мне сказали, что в нем живет ученый монах из Рангуна. Говорили, прежде он служил профессором философии в местном университете.

Монах свободно изъяснялся по-английски, и мы могли общаться без труда. Он был образованным человеком, но я называю его «ученым» не в мирском, а в монастырском смысле. Он помнил палийские сутры, комментарии к ним и вообще весь древний канон. Еще он многое знал о западной философии.

Я провел много вечеров в беседах с ним. Мы говорили об Учении — одновременно общем и разном для нас. Я узнал уйму интересного и нового.

После смерти Будды его слова долго передавали устно и записали только через пятьсот лет — примерно тогда, когда Клеопатра травила себя змеями, а римляне убивали Цезаря.

Поэтому в палийских текстах много мнемонических блоков — повторяющихся однообразных периодов, которые легче было запомнить декламаторам времен Александра и Дария, учившим сутры наизусть.

Разница между соседними абзацами часто заключена в одном-двух словах, и для неподготовленного человека смысл учения легко может затеряться между этими словесными жерновами.

По этой причине в текстах Малой Колесницы почти нет высокой и волнующей красоты Праджняпарамиты. Палийский канон — своего рода словесная руина, древняя и величественная; подлинная речь Будды была, скорей всего, иной, и сутры в лучшем случае передают общий ее смысл. Они похожи на громоздкие телеги с каменными колесами, доставившие из прошлого несколько драгоценных обломков истины...

Услышав от меня такое сравнение, монах оскорбился и выразил сомнение в подлинности сутр Большой Колесницы, в том числе Сутры Сердца.

— Ваша бодхисатва Каннон, — сказал он, — несомненно, постигает пустоту всех феноменов, иное было бы удивительно. Вот только приведенная в Сутре Сердца беседа с учеником Будды Шарипутрой нигде больше не задо-

кументирована. А сама Сутра Сердца, скорей всего, написана уже в нашу эру в Китае и задним числом переведена на санскрит.

С точки зрения монаха это был ядовитейший сарказм, от которого мне следовало позеленеть и скончаться на месте. Думаю, говоря это, он готовился встать к стенке под японские пули.

Я собирался ответить, что дело не в прозрении пустоты феноменов, а в бесконечном милосердии Каннон ко всему живому — но вовремя сообразил, что в устах офицера оккупационной армии это прозвучит неуместно. Поэтому я рассмеялся, налил себе местного самогона и сказал:

— Моя секта не привязана к словам и писаниям.

Этих слов хватило.

Японские бонзы вели подобные споры много сотен лет и в совершенстве научились в них побеждать. От этого умения зависели благосклонность правителей и еда.

Я попробовал расспросить монаха, в чем заключается реальная практика их секты, отличная от чтения сутр — но внятного ответа не получил. Тогда я предложил собственный: они заняты соблюдением кодекса монашеских правил. Их в Малой Колеснице так много, и они так строги, что на другое времени не остается.

Обменявшись этими любезностями, мы разошлись.

Потом мы встретились опять, и диспуты между нами продолжились. Я повторял, что Большая Колесница неизмеримо превосходит Малую, а все палийские сутры можно без всякого ущерба заменить одной-единственной «Сутрой Сердца» – неважно, где, когда и кем она написана. Ветхим палийским прописям далеко до высокой и тонкой мудрости Махаяны...

– Не будем спорить о подлинности ваших писаний, – сказал монах примирительно. – В конце концов, все существующее подлинно уже потому, что существует. Поговорим о другом. Как вы понимаете «Сутру Сердца»? Что это значит – все формы, все восприятия, переживания и мысли пусты?

Я ответил ударом ладони в пол.

– Вы убили муху? – спросил монах.

Я почти разозлился. Как он говорит с японским захватчиком... Впрочем, это было забавной реакцией на дзенское клише.

– Таков принятый в нашей секте ответ, – сказал я. – Вернее, один из возможных ответов. Путаться в болтовне считается у нас недопустимым.

– Почему?

– Мы теряем путь. Кажется, что смысл уловлен в словах, но это просто облепившая ум паутина.

— Может быть, вы все же снизойдете к моей неотесанности? Попробуйте ответить иначе.

— Му, — сказал я.

Монах засмеялся.

— Слышал, слышал и такое... Это высокая мудрость вашей секты. Я догадываюсь, на что указывают подобные парадоксы. Но не могли бы вы сделать исключение для деревенского дурня и объяснить в простых словах — как же вы все-таки понимаете свою главную сутру?

— Хорошо, — сказал я. — Я попробую. Суть Сутры Сердца выражена в самой первой ее строчке. Бодхисатва Каннон постигает пустоту всех вещей и спасается от страданий и несчастий... Мудрому достаточно одной этой строки, все остальное — комментарий.

— А что это значит — пустота всех вещей?

— Говорить об этом сложно.

— А вы попробуйте. Лучше всего на каком-нибудь примере из личного опыта.

Я задумался.

— Ну хорошо, вот недавний случай. Кто-то из моих солдат повесил тряпку сушиться на дерево. Утром я вышел из дома и мне показалось, что это огромная птица, готовая на меня кинуться. Никакой птицы там не было, только тряпка. Но пару мгновений я был уверен, что меня вот-вот клюнет огромный ястреб.

— Очень хорошо, — кивнул монах, — продолжайте...

– Мы, люди, проводим жизнь среди подобных птиц, созданных нашим собственным умом. С рождения до смерти человек занимается тем, что разводит у себя в голове воображаемых ястребов, размышляя, какой клюнет больше и как ему среди них жить. Мало того, сам человек есть такая же точно птица. Эти фантомы просто мерещатся сознанию – и ответить на вопрос, из чего они сделаны, нельзя, потому что их нет нигде, кроме воображения. Они сделаны из познавательного усилия нашего ума, из переживаний и концепций. Это и называется пустотой.

– Да, но из чего сделаны сами переживания?

– Вглядываясь в них, – сказал я, подумав, – мы не видим никакого материала, никакой реальной основы, никакой сохраняющейся сути. Переживания сделаны из чистого восприятия, и таким переживанием является весь мир. Можно было бы сказать, что переживания сделаны сами из себя, но никакого «себя» в них нет. Это и означает пустоту всего сущего. Наши жизни призрачны и мимолетны, как сон.

– Такова мудрость Праджняпарамиты?

– Это мое несовершенное понимание, – ответил я, – кое-как облаченное в слова по вашей просьбе.

– Замечательно, – сказал монах, – замечательно. Не так уж и глупо. Тряпичных птиц не существует, согласен. Но все равно они пугают

нас каждый день, и многие гибнут от страха. Страдание с философской точки зрения тоже пусто. Но от этого оно не перестает быть страданием. А Будда учил одному – прекращению страданий. Каков практический способ его прекращения, следующий из вашего понимания вещей?

– Я уже говорил, – ответил я. – Бодхисатва Каннон постигает пустоту всех переживаний и через это спасена от боли... Если вы прозреваете нереальность феноменов сознания, они не способны более вас терзать.

– А сами вы уже спаслись от страдания подобным образом?

– Не полностью, – сказал я. – Но путь Махаяны таков.

– Я пытаюсь понять, что это значит на практике, – сказал монах. – Когда вы испытываете печаль или утрату, вы должны напомнить себе о нереальности этих чувств? И они перестанут вас мучить?

Я засмеялся.

Вот поэтому лучше ограничиваться ответом вроде «му» или удара ладонью в пол. Откроешь рот, скажешь что-нибудь о смысле Учения – будешь потом объясняться всю жизнь. Учителя Дзен не хотели осложнять себе жизнь и правильно делали.

– Нет, – ответил я, – спасение происходит не так. Вы развиваете общее видение пустоты,

оно становится непосредственным, постоянным и безусильным, и любая душевная боль теряет жало. Вы сразу видите ее как пустую и нереальную...

— Высокий идеал, — сказал монах.

Кажется, в его тоне была издевка. И издевался он уже не над нашей сектой, а надо мною лично. Я почувствовал себя глупо. Конечно, я был очень далек от нарисованного моими словами образа.

— Стрдание, — сказал монах, — возникает непосредственно и внезапно. Оно никогда не является нашим выбором. Только когда страдание уже присутствует, вы способны напомнить себе, что оно пусто. Разве не так?

— Ну в общем да, — ответил я. — Наверное.

— Значит, вы не спасаетесь от страдания. Вы вешаете на него другой ярлык. Если бы у вас во дворе жила бешеная собака, стали бы вы защищаться от ее укусов, давая ей другое имя или вспоминая ее происхождение от волка?

— А как спасаются от укусов в вашей обители? — спросил я.

— Приходите завтра, — сказал монах. — Я дам вам ответ.

*

Прийти на следующий день я не смог.

В нашем подразделении застрелились два молодых солдата. Они ушли глубоко в джун-

гли, договорившись, видимо, вместе покинуть мир. Оружие и амуниция покойных остались при них.

Командование подозревало китайских партизан, с которыми нам следовало бороться (их на нашем участке не было, но мы не афишировали этот факт). Мне поручили казенную переписку. Милосердие заставляло меня использовать максимально уклончивый язык — так, чтобы бедняги могли считаться погибшими в бою и на их семьи не свалилось дополнительных невзгод.

Должен признать, что я испытал за это время много неприятных чувств, знакомых любому военному писарю. Особенно имеющему дело с безумной штабной корреспонденцией.

Фальшь моих заявлений про «прозрение пустоты» стала для меня очевидной. Монах не зря смеялся надо мной. Если я, практически буддийский бонза, потративший на практику Учения много времени и сил, до сих пор не освободился от мук, кто же тогда на это способен?

Мое раздражение, как часто бывает, нашло себе внешний повод — этого самого монаха. Я решил, что моя тонкая поэтичная душа не понята им и он смеется надо мной без всякой причины, в силу своего характера.

Мысль о том, что ему может быть неприятно общество офицера оккупационной армии,

меня даже не посетила. В то время бирманцы относились к нам хорошо, видя в нас освободителей от британского владычества. А может быть, просто считали нас новыми хозяевами и заискивали... В общем, я проскучал в одиночестве неделю, а потом монах пришел ко мне сам.

Я обрадовался его визиту. Ему нужен был йод, и он менял на него самогон из сахарного тростника. В ветреную мокрую погоду этот омерзительный напиток превращается в лекарство, поэтому в таком обмене не было ничего, выходящего за рамки военной необходимости. Я почувствовал, что моя обида уже прошла.

Монах пригласил меня в гости.

— Приходите. Вы не забыли наш последний разговор?

— Нет, — ответил я. — Вы обещали рассказать про вашу высшую практику.

— Высшую или нет, это мне неизвестно, — засмеялся монах. — Но я расскажу вам про Бахию, в честь которого названа наша обитель.

На следующий день я навестил его — и даже не взял с собой флягу с самогоном. Я чувствовал, что услышу что-то интересное и важное.

— Вы говорили про какого-то Бахира...

— Бахию, — поправил монах. — «Про Бахию» — это короткая сутра из Уданы. Так называется раздел Трех Корзин. Многие находят в этой сутре сходство с учением вашей секты.

— О чем она?

— Я могу прочесть ее целиком — или вы предпочитаете послушать мой пересказ с комментариями?

— Лучше коротко перескажите, — ответил я, — я плохо воспринимаю священные тексты в оригинале. Особенно когда они состоят из мнемонических блоков.

— Хорошо. В общем, во времена Будды на побережье Индии жил один... скажем так, подвижник по имени Бахия. В самой сутре про это не говорится, но, по сведениям из других частей канона, Бахия был моряком и поселился на берегу после того, как его корабль потерпел крушение. Ему поклонялись местные жители, носили еду, лекарства и так далее...

Монах поднял руку и указал на небольшую картину, висевшую на стене его кельи. Она изображала бородатого полуголового человека, вместо одежды обмотанного множеством ремней с одинаковыми коричневыми патронташами (такой была моя первая ассоциация).

Человек в патронташах стоял на деревенской улице рядом с Буддой. Деревня походила на современную бирманскую. Краски были яркими, вульгарными и неприятно резали глаз. Раньше я не обращал на картину особого внимания, полагая, что ее тема — проповедь Учения варварам.

— Почему Бахии поклонялись? — спросил я.

– Возможно, он обладал психическими силами. Кроме того, он одевался в древесную кору и отказывался носить нормальную одежду, хотя ему постоянно ее жертвовали.

– Так это кора, – сказал я, глядя на картину. – А я подумал... Почему он так одевался?

– Об этом спорят, – ответил бирманец. – Многие считают, что таким образом Бахия стремился поддержать интерес местных жителей. Индийский святой должен быть эксцентричен, иначе дела пойдут плохо.

– Любой святой, – засмеялся я.

– Да. Но, по заслуживающим доверия сведениям, Бахия одевался в кору по другой причине.

Это прозвучало загадочно.

– И по какой же?

– Бахия, – ответил монах, – был последователем Упанишад. Это священные индийские учения той эпохи. Некоторые их направления, например, Брихадраньяка-упанишада, отводят деревьям особую роль в мироздании. Древесная кора Бахии была частью обета, обычного в этой традиции.

– То есть он не был жуликом? – спросил я.

– Нет. Он был искренен в своем духовном поиске. Окружающие даже называли его архатом – то есть святым, дошедшим до самого конца пути. Слово повторяли так часто, что у Бахии возник вопрос – правда ли это? Архат

ли он на самом деле? Тогда в сновидении его навестил дэва, бывший в прошлых жизнях близким ему человеком...

— Что такое дэва?

— Сверхъестественное существо вроде духа или мелкого бога. Этот дэва заявил, что Бахия еще не встал на путь, ведущий к окончательной реализации. Бахия спросил, кто может ему помочь, и дух направил его к Будде. Бахия отправился в путь и проделал длинную дорогу — практически половину Индии — за день и ночь, в чем многие видят свидетельство его магических сил.

— Да-да, — сказал я. — В прошлом жили одни чудотворцы.

Монах улыбнулся.

— Возможно, смысл этого отрывка в том, что Бахия очень спешил. Когда он нашел общину последователей Будды, оказалось, что сам Будда ушел собирать милостыню в город. Бахия не стал ждать его возвращения и кинулся следом. Догнав Будду на улице, он попросил немедленно дать ему спасительное высшее учение. Будда дважды отказался, говоря, что сейчас не время, но Бахия настаивал, повторяя, что нет способа узнать, где и когда нас встретит смерть.

Я вдруг вспомнил, что идет война, и мокрое затишье за окном может в любой момент превратиться в ревуший огнем ад.

— Будда согласился, — продолжал монах. — И тут же, прямо на улице, объяснил Бахии,

в чем заключена высшая практика. Поскольку время и место не вполне подходили для передачи учения, Будда говорил совсем коротко, только самую суть. И вот что он сказал... Я постараюсь максимально точно передать смысл по-английски.

Бирманец закрыл глаза, вспоминая палийский текст перед тем как перевести его.

– Ты, Бахия, должен практиковать так. В увиденном будет только увиденное. В услышанном – только услышанное. В ощущаемом – только ощущаемое. В осознаваемом – только осознаваемое. Так и тренируйся, и если достигнешь подобного, тебя в этом уже не будет. Когда тебя не будет в этом, тебя не будет нигде – ни здесь, ни там, ни где-либо между. Это, вот именно это, и есть конец страдания...

Монах замолчал, давая мне время погрузиться в смысл древних слов.

– Весьма походит на учение моей секты в том смысле, что ставит ум в тупик, – сказал я.

– Некоторые интерпретируют последнее предложение по-другому. «Тебя не будет ни здесь, ни в трансцендентном, ни где-либо еще...» Но это уже детали. Вы понимаете общий смысл наставления?

Я почувствовал себя уязвленным.

Это был, конечно, не обычный бирманец из джунглей, а бывший университетский профессор, образованный и умный человек, но

мне не хотелось отказываться от идеи о превосходстве моей доктрины (чтобы не сказать — расы, но это я понял позже). С другой стороны, в том, что говорил монах, определенно была глубина. Но сразу объяснить смысл слов из сутры я не мог, хотя интуитивно его чувствовал.

— Попробую помочь, — сказал монах. — Вы когда-нибудь задумывались о том, каким способом существует человеческая личность? Только не говорите, что она пуста, это я понимаю. Мы, несомненно, имеем дело с иллюзией. Но как эта иллюзия появляется и исчезает?

Я молчал.

— Возьмите мираж, — продолжал монах. — Он нереален, конечно, но у него есть понятный способ возникновения: он появляется, когда из-за атмосферных явлений искривляются лучи света. А каков, по-вашему, механизм личности?

— Скажите вы, — ответил я.

Монах назидательно поднял палец.

— Личность всегда возникает как набор внутренних комментариев к прямому восприятию. Подумайте — разве это не так?

Я пожал плечами.

— Вот, например, вы едите местный рис. Вы ощущаете его вкус. Само непосредственное переживание будет одинаково для бирманца и японца. Но бирманец, скорей всего,

задумается, где бы ему найти рис на завтра. А японец решит, что рис приготовлен неправильно. И вспомнит про обстоятельства, из-за которых он ест неправильно приготовленный рис в мокрых джунглях...

Мне опять показалось, что в словах монаха мелькнула острая как бритва издевка, но придаться было не к чему — он был прав. Примерно это со мной и происходило, когда я ел комковатую кашу из местного риса.

— Как только ум отказывается от комментариев, — продолжал монах, — остается лишь чистый вкус риса, и личность исчезает. А как только исчезает личность, естественным образом исчезает страдание, потому что оно — я говорю не о физическом неудобстве, а именно о страдании — тоже имеет природу внутреннего комментария к происходящему. Личность и страдание — это сестры-близняшки. Они сделаны из одного и того же материала. Расставаясь с одним, мы расстаемся с другим...

— Я в целом понимаю, — сказал я. — Не сумел бы так быстро сформулировать, но мысль точная. А на каком этапе подобной практики личность исчезает окончательно? Через сколько лет?

Монах засмеялся.

— Вот типичное заблуждение ума, привыкшего ковыряться в концепциях. Думать, что личность исчезнет в результате практики ко-

гда-то в будущем, означает признавать за ней устойчивую реальность. А личность на самом деле просто вредный эффект, возникающий каждый раз, когда вы морщитесь или улыбаетесь. Она исчезает, как только вы перестаете рефлексировать по поводу своих рефлексий. Это как запах подмышек. Он пропадает всякий раз, когда вы находите время помыться, а не через много лет после того, как вы начинаете священный путь к чистоте.

— В осознаваемом — только осознаваемое, — повторил я. — Но эти слова относятся и к мыслям тоже. Разве нет?

— Конечно. А что плохого в мыслях? Проблема не в спонтанно возникающей мысли. Проблема в том громоздком и длинном внутреннем комментарии, который она вызывает в омраченном рассудке. Одна тащит за собой другую, другая третью, и возникает лавина. Мысли размножаются как кролики. В языке пали есть даже специальное слово для такого процесса, «папанча».

— С мыслями надо бороться? — спросил я.

— Нет. Если в мысли будет только мысль, она исчезнет сразу после появления. Есть огромная разница между одной мыслью и трансом, где самоподдерживающиеся гирлянды мыслей комментируют друг друга и заставляют нас совершать ужасные вещи. Человеческая личность и есть этот транс.

– Понимаю, – сказал я. – Что же, вы совсем запрещаете уму комментировать происходящее?

– Нет, – ответил монах. – Вы ничего никому не запрещаете. Запрещать некому. Но если ваша практика успешна, внутренний комментарий высыхает и отпадает как корка. Это и есть прекращение страдания. Или прекращение личности.

– А как это соотносится с пустотой?

– Никак, – улыбнулся монах. – Практикуя как Бахия, вы не даете возникнуть ни «уму», ни «пустоте», ни «природе Будды», ни прочим игрушкам Махаяны. Философские концепции оказываются лишними. Разница между постижением пустоты и практикой Бахии в том, что вы не пытаетесь увидеть происходящее как «пустое». Вы сливаетесь с непосредственной реальностью момента. С тем, что проявляется прямо сейчас, чем бы оно ни было – увиденным, услышанным или подуманным. Вы больше не видите «ястреба», «дерево» или «тряпку», потому что все это лишь концепции.

– А что вы видите вместо этого? – спросил я.

– «Вот это» или «вот то». Но вы обходитесь даже без такого названия и комментария. Сначала вы приближаетесь к непосредственному опыту вплотную, сняв очки концепций и идей. А потом оказываетесь так близко, что полностью исчезаете как наблюдатель – оста-

ется только сам акт восприятия. Вы не говорите, что «реальность пуста». На ярлыки, предисловия и послесловия времени не остается.

— Но природа ума действительно пуста, — сказал я.

— Что вы сейчас сделали? — засмеялся монах. — Вы на ровном месте создали две концепции... нет, четыре — «природа», «ум», «действительность» и «пустота». А потом перекинули между ними абордажные мостики. Теперь вам необходим пират, который станет по ним бегать. Вы будете кормить его всю жизнь. Пират проживет ее вместо вас, а перед вашей смертью виновато разведет руками и скажет, что ничего не вышло. Вот, если коротко, обычный путь последователя Махаяны.

Он так и выразился — «boarding bridges». Я понял его только потому, что читал в детстве книги про пиратов.

— Хорошо, — сказал я. — Допустим. Но вы не ответили. Если вы больше не видите «ястреба» или «дерево», что вы видите вместо них?

— Вот тут самый раз было бы ударить ладонью в пол, — засмеялся монах. — Но мы договорились беседовать по-человечески... Вы видите то, что видите. Вернее, видите уже не вы. Видимое просто проявляется. Вы становитесь потоком быстро сменяющихся восприятий в той последовательности, в какой они происходят сами по себе. Вы не пристегиваете к ним

воспринимающую личность, созданную из комментариев ума.

— А если комментарии все же возникают? — спросил я.

— Тогда это просто другая последовательность сменяющихся восприятий. Вы не делаете исключений ни для чего.

— Увидеть человека таким образом будет сложно, — сказал я. — Когда мы воспринимаем другого, он почти весь состоит из наших комментариев и оценок.

— Да, но я ведь говорю — примените тот же принцип. В комментариях, о Бахия, только комментарии. Вы можете присутствовать в каждой из этих мыслей точно так же, как в прямых восприятиях всего остального. Вернее, — он снова поднял палец, — не присутствовать, а полностью отсутствовать. Это и есть настоящее присутствие.

— С мыслями это сложно.

— Но возможно. Суть практики в том, что вы не прыгаете за концепциями и оценками, а ввинчиваетесь в реальность так плотно и непосредственно, что исчезаете. Вернее, вы не ввинчиваетесь в реальность — скорее, вы перестаете из нее ежесекундно вывинчиваться. На прокладку из «я» просто не остается времени. Его не остается даже для вашей любимой пустоты.

— А если «я» все же возникает?

— Если вы поняли суть метода, когда «я» возникает, это просто «я».

— А обычное «я» разве не просто «я»?

— Вы должны почувствовать различие сами. Происходит то, что происходит, и вас в этом совсем нет — так можно сказать и про грешника в аду, и про архата в восьмой джане. Разница, однако, значительна.

Я кивнул.

— Будет лучше, — добавил монах, — если для начала вы станете тренироваться, опираясь не на мысли, а на звуки или ощущения тела.

Я догадывался, о чем он говорит. Когда я практиковал в молодости, частью моей медитации было дыхание через равновесную точку «хара» под пупком. Стараясь настроиться на нее, я отслеживал возникавшие там ощущения. Часто бывало, что они сменялись очень быстро, и, следя за ними, я терял контроль над происходящим. Чтобы восстановить его, я переходил к глубоким вдохам и мантрам. Бирманец предлагал, так сказать, уволить контролера. Но ведь практике необходим какой-то якорь, иначе...

Я вдруг увидел мысль про контролера просто как мысль, и она сразу исчезла. Осталось только слегка саднящее ощущение — словно лопнули схватившие меня перед этим за солнечное сплетение мягкие щупальца — но и оно тут же прошло. Тут я понял наконец, что бирманец имеет в виду и каким должен быть якорь.

Теперь мне казалось, что старый бирманец прекрасно выразил сокровенную суть Дзен, которую сам я видел прежде не до конца. Вернее, это сделал Будда, говоря с Бахией...

— Мы заперты здесь на время дождей, — сказал монах. — Если вас интересует практика учения, данного Буддой Бахии, приходите и занимайтесь вместе со мной.

— Я не всегда могу отлучиться из части.

— Тогда практикуйте у себя. Я дам вам необходимые наставления.

Из вежливости я выразил сомнение, что обладаю достаточной подготовкой — хотя, конечно, сам так не думал. Но монах отнесся к моим словам серьезно.

— Судя по вашим рассказам, — сказал он, — у вас есть все необходимые навыки. Вы много лет постигали учение Большой Колесницы, а значит, можете долго сидеть на полу скрестив ноги. Это в вашем случае главное.

Да, состязаться с этим человеком в язвительности было трудно. В первую очередь потому, что она могла существовать только в моем воображении, возникая как комментарий к услышанному и порождая мою уязвленную личность...

В услышанном должно быть только услышанное, вспомнил я и сказал:

— Почту за честь пройти эту тренировку, когда позволит служба.

На самом деле служба позволяла. Но я все еще сомневался в глубине души, стоит ли мне, японцу, учиться чему-то у этого старика.

*

На мое решение повлиял вроде бы никак не связанный с этим случай.

Рядом с нами упал английский «Харрикейн».

Два истребителя обстреляли наши автомобили, стоявшие на деревенской улице без маскировки, а потом один из самолетов врезался в деревья. По нему даже не успели открыть огонь — пилот не справился с управлением, выходя из атаки.

Схватив винтовки, мы побежали в лес.

— Наконец-то будет кого допросить, — сказал один из наших.

Но надежда, увы, не оправдалась.

Самолет развалился на части — крылья сшибло стволами, но фюзеляж был цел. Пилот погиб от удара. Его молодое лицо с открытыми глазами, прижатое к стеклу кабины, казалось живым. Можно было подумать, что из свойственного англичанам высокомерия летчик просто не желает замечать направленных на него взглядов, делая вид, будто он в джунглях один.

Выглядело это очень живописно.

По причине этой самой живописности начальство запретило вытаскивать пилота из ка-

бины — и мы выставили возле самолета караул. Ждали кинохронику из Рангуна, чтобы запечатлеть бесславный конец врага для поднятия духа нации, но дни шли, а киношники все не ехали.

Пилот между тем стал понемногу разлагаться. Я взял себе за привычку ходить к самолету перед закатом, наблюдая за трансформациями мертвого лица.

В первый день, когда я только увидел его, оно было удивительно спокойным и даже красивым (насколько это слово применимо к европейцам). Потом глаза мертвеца подернулись непрозрачной пленкой. Затем по лицу пошли буроватые пятна — как будто проступили синяки от удара.

Скоро лицо потеряло свою тонкую форму и разбухло. На нем появилась как бы пресыщенная гримаса... Еще через день в кабину нашли ход насекомые, и за стекло стало противно смотреть.

Сделалось ясно, что хронике этот парень уже не пригодится. Когда я в очередной раз пришел к самолету, кабина была открыта, а мертвец исчез. Его похоронили где-то в джунглях.

Наши говорили, что «Харрикейн» — паршивый самолет, сильно уступающий нашим «Оскарам» и тем более «Зеро». У американцев, однако, были машины лучше.

Когда я рассказал о мертвом летчике старому монаху, тот напомнил, что у древних буд-

дистов была специальная практика — ходить на пустыри, куда выбрасывали мертвецов, чтобы наблюдать за трансформациями мертвых тел. Конечно, это наводило на раздумья.

Сутра Сердца не врет, думал я. Все мы иллюзорны и мимолетны, наши жизни пусты — это совершенно ясно. Но этой декларации недостаточно для того, чтобы избежать страдания. Восторженные прихожанки, повторяющие «пусто, все пусто, а ум подобен сияющей во мгле лампе...» смешили меня еще в Японии. Как будто это бормотание что-то меняло в идиотизме их жизни.

Но не был ли такой прихожанкой я сам?

Буддийскую премудрость легко превратить в божка вроде тех, что примитивные народы делают из глины и ракушек. Развитые культуры используют вместо ракушек слова и концепции — и лепят своих идолов из них. Разве слово «пустота» разрушает мглу, где мы скитаемся? Наоборот, она становится только чернее.

Труп этого молодого англичанина оказался лучшим из моих наставников. Я понял, что за всю свою жизнь так и не научился ничему стоящему.

*

Я получил у монаха инструкции для медитации и начал практику. Прошло всего несколько дней, и я стал замечать удивительные вещи.

Я понял, что в обычном состоянии человек практически не видит происходящего на самом деле. Скорее, он похож на императора, во дворец которого присылают доклады о положении в стране. Слуги рисуют на основе этих сообщений картину, подносят ее сыну Неба в тронном зале, и тот погружается в созерцание.

Пока император смотрит на картину, она не меняется. Сын Неба водит по ней глазами, ему приходит в голову одно, потом другое... Он морщится, когда долетающий из внешнего мира звук отвлекает его. Глядя на картину, он мыслит... За это время во дворец поступают новые донесения. Слуги рисуют еще одну картину и приносят ее императору вместо прошлой. Тот опять начинает шарить по неподвижному образу глазами, забывая про все остальное...

Мой ум работал так же. Он не сканировал постоянно меняющуюся реальность, а получал некую статичную ее картину – иногда чаще, иногда реже – и цепенел над ней до тех пор, пока ему не присылали новую. Я жил в этих неподвижных репрезентациях, выдуманных замороженных мирах.

Я был обитателем фиктивных пространств, появляясь и исчезая вместе с ними. Такими же были и другие люди. И единственным результатом моей многолетней тренировки в секте Дзен было слово «пустота», намалеванное поверх моих миражей.

Я рассказал о своем переживании монаху.

— Чтобы разрушить этот механизм, — ответил тот, — достаточно отвернуться от нарисованной умом картины и отслеживать сами феномены. Будда говорил Бахии, что это и есть конец страдания.

— Оно прекратится сразу же? — спросил я.

— Неудовлетворительность, безличная и тонкая, никуда не денется, потому что она неотделима от жизни. Но подобная практика уведет ее из числа ваших личных проблем. Хозяин и жертва этого «страдания» исчезнут полностью. Это невыразимое облегчение. Вы увидите жизнь как она есть — и перестанете слишком переживать по ее поводу.

Я уже понимал, о чем он говорит.

— Вы движетесь в правильном направлении, — добавил монах. — И гораздо быстрее, чем обычные медитаторы.

— Почему?

— Осмелюсь предположить, — улыбнулся он, — что это связано не с вашей предыдущей практикой, а с моим обществом. Мой ум хорошо знает похожие состояния и маршруты — рядом со мной вы видите, куда и как повернуть. Вы учитесь, не задавая вопросов. В физике это называют резонансом. Скоро мы с вами сможем перейти к действительно серьезным вещам...

Я получил новые инструкции и стал прово-

доть вечера в наблюдении быстро сменяющихся друг друга телесных переживаний.

Тело, если вглядываться в него подобным образом, превращается в целый космос. Вместо звезд и планет здесь были еле заметное покалывание, зуд, всплески тепла и холода, боли и удовольствия. Для многих телесных ощущений я даже не мог подобрать подходящего слова. Иногда я опирался на дыхание, находя быструю смену ощущений в нем, иногда — на звуки, иногда — на пятна света перед закрытыми глазами.

Следовало замечать каждый мимолетный объект, а после его исчезновения переходить к любому другому, за который цеплялось внимание. Все внутренние комментарии к происходящему надо было рассматривать в качестве таких же безличных феноменов, наблюдая не за их «смыслом», а за способом их появления и исчезновения. В этом и заключалось самое главное.

«В мысли — просто мысль...»

Императорская картина понемногу исчезала — вернее, рассыпалась на множество мгновенных сцен, существовавших крохотную долю секунды.

Через неделю интенсивной практики я погрузился в переживания весьма необычной природы. Думаю, человек другой эпохи подо-

брал бы иные сравнения — но вот что пришло в голову мне.

Мне стало казаться, будто реальность (я имею в виду себя, мир и все воспринимаемое) похожа на огромную комнату с кривыми зеркалами, куда падают сознающие лучи света. Игра отражений в зеркалах кажется жизнью, мирозданием, потоком событий и мыслей, но это просто дрожь и рябь света, не обладающая практически никакой длительностью. Анализировать эти блики — как ловить солнечный зайчик, желая устроить ему вскрытие...

Но главное оказалось даже не в этом.

Мои чувства — радость и печаль, отвращение и привязанность, надежда и страх — имели ту же внешнюю по отношению ко мне природу.

Они казались «моими» просто потому, что их преломления в зеркалах сопровождались как бы теплым приятным сиянием, утверждавшим их в этом качестве, но теплое приятное сияние тоже не было мной. «Я, мой, мое» — все это были оптические эффекты, навязанные мне неизвестностью...

Вернее, не мне. То, что я прежде полагал движениями своего духа, возникало непонятно где по неизвестной причине. Я целиком состоял из сигналов и зарниц, приходящих из неведомого, и мои рефлексии и прозрения — верные и неверные, умные и глупые — прибывали оттуда же. Все мои «решения» тоже.

Мое чувство «себя» не было ни истиной, ни заблуждением. Оно было наваждением, но не моим. Все это приходило из неизвестности, и у меня не было никакой власти над происходящим. Была лишь иллюзия контроля, которую делали в той же лавке.

Меня, как истребитель «Оскар», ежесекундно собирали из готовых деталей, доставленных на завод из секретной локации, и мое упорное непонимание этого обстоятельства входило в комплект поставки. Меня, можно сказать, имитировали вместе с моей свободной волей, с моей верой в то, что я есть *делатель* и *думатель* (заимствую эти слова у монаха-бирманца), и даже мои прозрения по этому поводу были такой же фабричной поставкой. Но обижаться я не мог: таков оказался единственный способ возникновения и существования в этом мире.

Все происходило само.

Я был, конечно, знаком с похожими воззрениями и прежде – во всяком случае, в их поэтическом аспекте. И примерял их к себе. Человек – просто кукла, танцующая на веревочках в лучах софитов, думал я в юности, понимать это и есть мудрость.

Но прежде я не видел, что само подобное понимание (плюс сопутствующее ему тонкое самодовольство) тоже рождается не во мне, а в создающих куклу прожекторах.

И даже теперь, когда я окончательно перестал принимать этот вихрь безличного света за «себя», причина опять была не во мне, а в источнике. Тень могла понять, что она тень, только если этого хотел свет...

Но что такое источник? Не есть ли это бог европейской культуры? Что это за материал, из которого сделана реальность? Кто ею управляет? Зачем и кому нужна иллюзия мира, населенного толпой галлюцинирующих фантомов?

Я, конечно, задал все эти вопросы монаху, чем сильно его развеселил.

— Уж кто-кто, — сказал он, — а вы должны знать, что Будда не отвечал на вопросы относительно источника мироздания и его цели. Он был практиком. Другими словами, его интересовало не то, откуда приходят эти, как вы говорите, зарницы и вспышки, а как, наблюдая за ними, прекратить страдание.

— Да, — согласился я, — конечно. Но были, наверно, и мудрецы, использовавшие это знание для каких-то иных целей.

Монах посмотрел на меня с любопытством.

— Верно, в древности они были. Но даже эти мудрецы не гадали о непостижимом. Они просто пользовались тем, что им удавалось подглядеть. Подобный прагматизм, кстати, существовал не только в Азии. Вы, я полагаю, знакомы с греческой философией?

– Почему вы так думаете?

– Говоря о приходящем из непонятого измерения свете, вы почти повторили «Пещеру» Платона.

– А что это такое? – спросил я.

Монах засмеялся.

– Платон первым описал универсальное для всех культур и эпох прозрение в нашу природу, которое вы пережили. Но есть и более интересные параллели. Через пару столетий после Будды в Греции жил Пиррон из Элиса. Первый философ-скептик – в современном курсе философии ему уделяют всего несколько минут. Пиррон говорил так: «Я воздерживаюсь от любых оценок и суждений, ограничивая себя простым восприятием объектов и феноменов по мере их появления. Независимо от того, чем они являются на самом деле, так можно избежать душевного неустройства и обрести неколебимое спокойствие духа...» Похоже на подход Будды, не правда ли?

– Да, – согласился я. – Я не читал Платона, но знаю про него, конечно. А про второго философа не слышал. Это действительно оригинальная европейская мысль?

– Про Пиррона говорили, что он набрался мудрости в Индии, куда попал с солдатами Александра.

– Это маловероятно, – сказал я. – Индийские аскеты вряд ли сумели бы обучить грече-

ского солдата тонкостям своих доктрин — английского языка тогда не было. Да и зачем?

Монах улыбнулся.

— Возможно, в древности такое понимание витало в воздухе.

После этого разговора я получил от монаха новые инструкции, изменил свою медитацию, и реальность повернулась ко мне еще одной неожиданной стороной...

Так повторялось несколько раз, но не буду обременять читателя деталями.

*

Примерно через месяц после начала интенсивной практики я проснулся дождливым утром с мыслью, что скоро умру.

Меня мучило эхо сновидения, важного и точного. Я знал, что моя судьба решена. Но само содержание сна начисто стерлось из памяти. Единственное, что я помнил — это слово «Гуаданканал».

Я знал, конечно, про захваченный нами остров недалеко от Новой Гвинеи. Кто-то говорил мне, что наши войска строят там аэродром.

Встретившись с монахом, я сказал, что чувствую близость смерти.

— Смерть — естественная граница телесного опыта, — ответил монах. — Вы умрете, как и все. Практика позволяет яснее ощутить приближе-

ние этого момента. Сейчас идет война. Смерть приплывает по воде и прилетает на крыльях...

Эти слова словно сдернули с моей памяти вуаль, и я вспомнил свой сон.

Мне снилось, что мы высаживаемся на заросший пальмами остров, а нас атакуют уродливые пузатые истребители. Это были уже не английские «Харрикейны», а что-то мне неизвестное. Самым страшным были не крупнокалиберные пули, режущие воду и человеческое мясо, а рисунки на бортах – голые женщины, оскаленные акулы, порочные пеликаны, какие-то нелепые обезьянки.

Когда самолеты проносились низко над пальмами, рисунки делались отчетливо видны. Это убивало магию боя, превращало войну, где мы отдавали жизни за страну и императора, в позорный балаган. У японского солдата отнимали последнее, что можно отнять – достоинство смерти. Герои духа дрались с мультфильмом для мещан... Понятно было, кто победит.

Сон этот имел особую патину достоверности. Дело в том, что я никогда не видел подобных изображений на самолетах. Мой мозг вряд ли сумел бы нарисовать такую картину сам.

С другой стороны, если мне снился Гуаданканал, было непонятно, почему мы высаживаемся на этот остров. Мы занимали его и так.

– Смерть от вражеской пули – то, что написано у вас на роду, – сказал монах, выслушав

мой рассказ. — Вы много жизней были воином, убили уйму людей, и ваши расчеты с миром еще не завершены.

— Я не боюсь умереть.

— Дело не в том, боитесь вы или нет. Дело в том, чтобы сделать осознанный выбор.

— А он у меня есть?

— Да, — ответил монах. — Благодаря нашему знакомству, мой друг, он у вас есть. Вы можете ждать, пока вас убьет война. А еще вы можете встретить *корову с теленком...*

Похоже, он говорил со мной дзенскими коанами, как когда-то я с ним.

— Какую корову?

— Я не завершил историю про Бахию, — сказал монах. — А вы не поинтересовались тем, что случилось дальше.

— Я думал, — ответил я, — сутра кончается тем, что Бахия получил учение.

Монах засмеялся.

— Нет. Там есть продолжение, и довольно любопытное. Услышав слова Будды, Бахия немедленно освободился от всех загрязнений ума. А Будда продолжил свой путь по городу.

— То есть Бахия стал архатом? — спросил я. — Вполне ожидаемый конец.

— Это еще не конец. Сутра сообщает, что как только Будда ушел, Бахию убила корова с теленком. Возвращаясь домой, Будда увидел его труп. Он велел ученикам взять его, креми-

ровать — и воздвигнуть над ним ступу. А когда ученики спросили, в каком направлении ушел Бахия и каково его будущее состояние, Будда сказал так: «Бахия, одетый в кору, был мудр. Он следовал Дхарме как надлежит и не досаждал мне расспросами об учении. Бахия, одетый в кору, теперь полностью свободен...»

— Да, — сказал я. — Понимаю. Не досаждал расспросами. Просто не успел. Будда был благодарен за передышку и посмертно произвел его в архаты.

— Не следует распространять циничные нравы нашего века на древность, — ответил монах. — Люди тогда были другими. Это все, что вам приходит в голову?

Я пожал плечами.

— Бородатый отшельник, одетый в куски коры, должно быть, выглядел жутко. Теленок испугался. А корова за него заступилась.

— Но почему это произошло сразу после встречи с Буддой? Вот просто немедленно? И почему Бахию не убили коровы, встреченные раньше? Коров в Индии много, а он ходил в коре много лет.

— Вы видите в этих словах какой-то другой смысл? — спросил я. — Символический или вроде того?

— Именно, — ответил монах. — Сутра говорит только это: «убит коровой с теленком». Разве не странно? Бахия умер после беседы

с Буддой, во время которой окончательно прозрел. А перед этим, настаивая на немедленной передаче учения, он говорил с Буддой о скорой смерти.

— Он был ясновидящим? — спросил я. — Или у вас есть другое объяснение?

— Да, — сказал монах. — Я точно знаю, в чем было дело. Но вы, боюсь, не поверите.

— Расскажите.

— Во-первых, как вы знаете сами, нет ничего особенного в том, чтобы ощутить приближение смерти. На это способны люди, даже не обладающие психическими силами.

— Да, — согласился я, — во время войны так бывает часто.

— Бахия знал, что его срок в этом теле кончается, и хотел узнать главное. Он успел. А дальше произошло нечто такое, что древний хронист мог объяснить только аллегорически.

— Вы про корову?

— Про корову с теленком. Сутра не говорит, что Бахия был убит коровой. Там сказано, что Бахия был убит коровой с теленком. Будто теленок тоже участвовал в убийстве... Мало того, как утверждают комментарии, та же самая корова с теленком убила сразу несколько великих подвижников. Но ведь такого не может быть. Подумайте, что значат эти слова.

— Ну, корова с теленком — это... Что-то из индусского пантеона?

Монах отрицательно покачал головой.

– Постарайтесь понять метафору.

– Нечто порождающее и порождаемое?

– Вот, уже ближе.

– Причина и следствие? Взаимозависимое возникновение?

– Совсем близко.

Мне казалось, что я вот-вот угадаю. Но точные слова никак не приходили.

– Корова с теленком, – заговорил монах, – это шифр, понятный древним аскетам. Это практика, где вы создаете условия для своего появления в нужном образе и месте, а затем освобождаете ум от пут прежнего тела. Корова здесь – прежнее существование. Теленок – новое, возникающее с опорой на предыдущее. Когда сутра говорит, что Бахия был убит коровой с теленком, это значит, что сразу после того, как его ум прояснился, он отбыл из нашего мира в избранном им направлении, оставив здесь мертвое тело.

– А кто его этому научил?

– Будда.

– Когда?

– Во время их единственной беседы.

– Но Будда не говорил о перевоплощениях.

– Наш век плохо представляет людей того времени. Они обладали другими способностями. И учились совсем иначе, чем мы. Одно точное слово меняло все. И в жизни, и в смер-

ти. Бахия не был обычным индийским шарлатаном.

— Откуда вам это известно? — спросил я.

— Знаете, что говорится в каноне о его предыдущей жизни? Он умер, подвижничая на горе, где несколько его товарищей по практике добились окончательного освобождения. А перед встречей с Буддой, хоть вы над этим и смеетесь, он перенесся через всю Индию за одну ночь. Ему поклонялись люди на побережье — в Индии, где святых больше, чем лягушек после дождя... Все это было не просто так. Ум Бахии уже был подобен отточенному мечу. Слова Будды лишь помогли вынуть его из ножен. Кроме того, связь с Упанишадами...

Монах махнул рукой и замолчал.

— Что? — спросил я.

— Боюсь, японцу трудно будет понять.

— Расскажите, — ответил я с досадой, — я попытаюсь.

— Ладно. Я говорил, что Бахия одевался в древесную кору, поскольку был последователем Брихадраньяка-упанишады. Будда, естественно, был знаком с Упанишадами, их языком и образностью. Особенностью Будды как учителя была его способность вписывать радикально новое учение в контекст современной ему мысли, искусно полемизируя с нею. Поняв по наряду из коры, кто перед ним, Будда дал Бахии инструкции в терминах зна-

комой тому духовной традиции... Вы успеваете за мной?

– Пока да, – сказал я.

– В Брихадраньяка-упанишаде говорится: «невидимый наблюдатель, неслышный слушатель, немислимый мыслитель, неощутимый ощущатель... Нет наблюдателя, кроме него, нет слушателя, нет мыслителя. Это и есть твое «я», твой внутренний владыка, бессмертная сущность...»

Я вдруг поразился нереальности происходящего: старый бирманец рассказывает мне, японскому офицеру, об Упанишадах – на хорошем английском языке. И происходит это во время унылой мокрой войны в бирманских джунглях. Да, мир еще способен был меня удивить.

– А дальше, – продолжал монах, – там же сказано: «твоя бессмертная сущность и есть невидимый наблюдатель, неслышный слушатель, немислимый мыслитель, неощутимый ощущатель... Кроме нее, некому наблюдать, мыслить...» и так далее.

– Откуда вы так хорошо знаете древнеиндийские тексты? – спросил я. – Я понимаю – буддийские сутры. Это ваша область. Но знать еще и Упанишады... Вы их изучали как философ?

Монах засмеялся.

– Я помню не все Упанишады, – сказал он. – Только то, что знал сам Бахия. Теперь

вы понимаете, о чем на самом деле говорил Будда?

— Прошу вас, объясните.

— В Упанишадах, как и во всех древнеиндийских текстах, говорится об атмане, бессмертной внутренней сущности. Душе, если угодно. Именно она якобы является свидетелем человеческого опыта, трансцендентным наблюдателем. Теперь представьте Бахию. Он знает Упанишады наизусть и буквально пропитан их мудростью. И вдруг Будда говорит — в увиденном нет наблюдателя. В услышанном нет слушателя. Нет ни субъекта, ни объекта. Есть только непостижимые изменчивые феномены, озаренные собственным светом, и свет этот не отличается от самих феноменов...

— Что значит — собственным светом?

— Это значит, — ответил монах, — что они не появляются в сознании человека, как учит западная мысль, а сами есть сознание, полностью лишенное наблюдателя и хозяина — но способное порождать любые фантомы, любые вселенные, любых богов и героев. Концепция «субъекта восприятия» просто мелькает иногда между ними.

— А почему феномены непостижимы?

— Потому что в них нечего постигать, и некому. Попытка «постигнуть» волну на поверхности моря будет просто созданием другой волны. В этом главная оплошность западной

мысли. Не будите во мне профессора философии, мой друг...

– Отчего же. Мне интересно, что он скажет по этому поводу.

– Западный мыслитель Кант, – ответил монах, – говорил про «вещь саму по себе» и «вещь для нас». Для него это были как бы разные аспекты объекта, к которому он назначал себя субъектом в ранге генерал-губернатора. Неудивительно – он жил в эпоху раннего капитализма. Должен же кто-то был философски обосновать эксплуатацию колоний, двойную бухгалтерию и изъятие прибавочной стоимости у пролетариата...

– Никогда не задумывался об этом в таком ключе, – сказал я.

– А зря. Будда жил в другой культуре, гораздо более свободной и светлой. Поэтому он говорил, что у вещей нет никакого «себя», а в нас нет никаких «нас». С этой высочайшей точки зрения «мы» вообще никогда не рождались в «этом мире». Слышанное осознается, и все – но, даже говоря так, мы рассекаем единую истину на две ложные части. Способ, каким слышанное возникает и исчезает, заключается просто в том, что оно то слышно, то нет.

– Кому? – спросил я.

– Кому смеркается? Кому рассветает? Этот «кто» – такое же волшебное наваждение, как

и все остальное. Вы сами недавно рассказывали мне про огни, которые создают мир...

– Лучи, – сказал я. – Сознание лучи.

– Лучи, огни, неважно. В образах этого мира нет ничего, о чем можно спорить. Все есть просто то, что оно есть в этот самый миг. Кстати, именно так древние евреи определяли бога. Мы тоже часть этой тайны.

– Понимаю, – сказал я.

– Будда говорил с заблуждающимся, но могучим магом. И невероятно изящным способом выбил из-под него фундамент его заблуждений. Бахия понял тайну сознания. После этого ему больше нечего было делать в этом мире. Он увидел перед собой путь, и... Выражаясь фигурально, на месте «атмана» возникла дыра, и он в нее шагнул.

– Куда?

– Сюда, – ответил монах.

– Простите?

Монах смерил меня взглядом.

– Бахия – это я.

*

Эти слова произвели оглушительное впечатление. Я не сомневался ни секунды, что он сказал правду. Это объясняло, откуда он так хорошо знает фрагменты Упанишад – нечто, крайне нетипичное для бирманского монаха, пусть даже с университетским прошлым.

– Я был Бахией, – повторил монах. – И многими другими людьми, например, Пирроном из Элиса, о котором я вам говорил.

– И профессором философии тоже?

– Тоже, – кивнул монах. – Изучать человеческие заблуждения – одна из моих слабостей. Вообще-то я редко становлюсь человеком, потому что не слишком люблю это состояние. Но это не важно. Важно другое. Я знаю, как пригласить сюда корову с телятком.

– Вы имеете в виду смерть? – спросил я.

– И новую жизнь. Бахия чувствовал, что его время подходит к концу. Сегодня нечто подобное ощутили вы сами. Вы можете дождаться своего срока и умереть от пули. А можете повстречать корову с телятком.

– Что это значит?

– Это значит, вы доведете свою практику до такого рубежа, когда станет возможным мгновенный переход в другую жизнь. Я могу научить вас.

– Мне, конечно, интересно. Но с какой стати вы будете меня обучать?

– Видите ли, – сказал монах, – когда я был Бахией... Вернее, Бахией в той его жизни, где он практиковал на горе и умер, вы были моим товарищем по затворничеству. И хоть вы остались весьма далеки от реализации, вы умерли вместе со мной, пытаетесь меня спасти. Это мой неоплаченный долг.

– Хорошо, – сказал я. – Проверить ваши слова мне сложно. Я не вижу прошлых существований, да и не понимаю до конца, что именно перерождается.

– Пустота, – улыбнулся монах. – Пустота, забывшая, что ее нет. Это доктрина вашей собственной секты.

– Возможно... Но в нашей секте говорят – если вы задели кого-то локтем на улице, вы уже встречали этого человека в пятистах прошлых жизнях. Так что наша встреча, конечно, не случайна. Если вы можете обучить меня своей мудрости, я буду признателен.

– Я сделаю это, – ответил монах, – но с одним условием. Вам не разрешается передавать это знание никому. Оно не должно существовать в современном мире. Оно принадлежит иным циклам и эпохам, далеким временам – еще до прихода Будды. Возможно, оно вновь будет открыто в будущем. Но в наше время это умение не должно проявляться никак.

– Согласен, – ответил я.

– Тогда слушайте...

Объяснение было необычным. Монах часто замолкал, подыскивая слова. Я задавал вопросы, он отвечал – и постепенно в моем уме забрезжило понимание того, что такое эта «корова с теленком».

Это было не что иное, как путешествие между мирами. Даже, наверное, между разными

измерениями. Речь шла не о перерождении в следующей жизни, а о прямом переносе сознания в другое существование.

Мне трудно было поверить в такую возможность.

— Но я не знаю о другом мире ничего, — сказал я. — Я что, буду учиться говорить на другом языке, жить в чужом теле, существовать в другой среде и так далее?

— Вам не придется ничему учиться, — ответил монах. — Когда вы проснетесь там, это будете вы сами. Вы и никто другой. Но ваша здешняя жизнь покажется вам сном. Надо испытать это, чтобы понять.

— Я проснусь? В каком смысле?

— Не в том, в каком пробудился Будда. Вы просто перенесетесь из одного сна в другой.

— Буду ли я помнить свой прошлый сон? В смысле, жизнь в этом теле?

— Да, несомненно. Во всяком случае, некоторое время после трансмиграции. Но вам не придется учиться жить в новом мире, потому что вы окажетесь его частью. У вас будут глубокие корни в нем и свое законное прочное место... Вы вернетесь домой.

— Каким образом такое возможно?

— Я затрудняюсь истолковать это научно, — сказал монах. — Но могу попробовать объяснить в ваших собственных образах.

— Попробуйте.

— Вы говорили, что все сущее — просто вспышки и блики в зеркалах. В каждый момент вы представляете собой определенную конфигурацию этих вспышек и бликов.

— Да, — сказал я.

— Где-то во вселенной может возникнуть на миг полностью совпадающая с вами конфигурация световых узоров. Она будет подчиняться другой карме, поэтому в следующий момент изменится иначе, чем ваша. Но на миг два паттерна совпадут. А когда они совпадут, они будут одним и тем же, потому что в увиденном только увиденное, в услышанном только услышанное, и так далее...

— Кажется, понимаю, — сказал я.

— Секрет в том, что ваша корова может родить теленка в другом мире. Секундного тождества конфигурации феноменов достаточно. На миг возникнет дверь — и, шагнув в нее, вы станете жителем иного пространства. Судьба ваша сделается совсем другой.

— Но каким образом живой и сложный человек может так запросто стать кем-то еще?

— Живой и сложный человек, — сказал монах выразительно, — этого не может. Мы с вами не говорим о живых и сложных людях. Живые сложные люди торгуют всякой дрянью на блошином рынке в Рангуне или убивают друг друга на безумной войне. Мы говорим о тех,

кто видит «я» просто как «я». Знаете, почему это так важно?

– Почему?

– Чувство «я» – клей. Тот самый корень, что прикрепляет вас к месту и времени, которое вам грезится. Если вы обрываете корень, вы способны исчезнуть без следа. Собственно, это и происходит на миг с любым медитатором в момент вхождения в поток. Секрет в том, что, исчезнув, вы можете заново собраться не здесь, а в другом мире.

– Вы все это вполне серьезно? – спросил я.

– Вспомните, что Будда сказал Бахии. «Так и тренируйся, и если достигнешь подобного, тебя в этом уже не будет. Когда тебя не будет в этом, тебя не будет нигде – ни здесь, ни там, ни где-либо посередине...» Понимаете? Когда вас больше нет, вы равны нулю. А ноль в одном месте – это то же самое, что ноль в любом другом. Когда вы становитесь нулем, вы становитесь всем возможным. А возможное безгранично.

– Но любая комбинация феноменов слишком сложна, чтобы...

– Сложное для вас, – перебил монах, – просто для вечности. Представьте, что вы идете по улице и ваша тень на стене совпала с тенью другого прохожего. Если вы полностью отказались от себя, это уже не ваша тень. Поэтому в следу-

ющий момент она может продолжить путь в качестве тени другого прохожего. Так объяснил бы Платон.

— А моя прошлая жизнь?

— Ваша прошлая жизнь окажется чужим сном.

— Трудно поверить, — сказал я, — что моя тень полностью совпадает с чужой.

— Ошибаетесь. Таких совпадающих теней бесконечное число в любой момент. Вы можете выбирать между разными мирами и локами. Больше того, вы сами можете придумать практически что угодно, и это окажется реальностью. Корова способна родить какого угодно теленка.

— А что будет с моим телом? Я имею в виду, с этим телом?

— Для кого?

— Для меня.

— Вы его забудете через пару дней.

— А для моих солдат?

— Наверно, для них вы умрете. Приличия должны быть соблюдены... Но если честно, я не знаю, что случается с прошлым телом. Я вообще не уверен, что это правильная постановка вопроса — вы говорите про то, чего в реальности вашего сознания уже нет. Я бы на вашем месте поспешил получить окончательные инструкции, мой друг.

— Хорошо, — сказал я, — хорошо... Я по-

мню про нашу общую карму, но все же зачем вы стремитесь мне помочь? Есть ли у вас еще какая-то цель?

Монах улыбнулся.

– Нет такого, что «я» помогаю «вам». Происходящее – просто часть общего плана мироздания. Грядет темный век, настолько чудовищный и смехотворный, что вы даже представить этого не можете. Вы принесете его обитателям пользу через много сотен лет, действуя тайными и непостижимыми методами.

– Это будет мой долг перед вами?

– Не передо мной, – ответил монах. – Перед вашим собственным будущим. Хотя никакого собственного будущего у вас, конечно же, нет. Да и пользу в этой Вселенной приносить некому.

Это объяснение устроило меня вполне. Хотя бы потому, что в нем присутствовал знакомый мне с детства дух «Большой Колесницы».

*

Поскольку я обещал монаху не раскрывать самой техники, ограничусь самым общим описанием.

Сначала следовало перейти в состояние скоростного просмотра, где вместо «я», возникающего как комментарий к фильму про реальность, оставались только быстро сменяющие друг друга феномены-кинокадры.

Следовало укорениться в этом надежно и устойчиво, так, что полностью исчезали эмоциональные реакции и сделанная из них личность, а оставался поток мгновенных трансформаций реальности, освещенный своим собственным светом.

Эта первая фаза медитации называлась «коровой» и служила фундаментом тайной техники.

Наблюдение феноменов ускорялось до максимально возможного предела. А потом — благодаря странному, не похожему на знакомые мне буддийские методы, но довольно простому перцептуальному трюку (освоенному мною за день) — наблюдение феноменов как бы делалось быстрее их возникновения, становясь предвосхищением. Или, как утверждал монах, созданием. В это время нельзя было терять высочайшей концентрации, что и оказалось для меня самым сложным, несмотря на весь мой прежний опыт.

Перед открытием следовало отчетливо представить себе конечную точку путешествия. Это бирманец называл английским словом «resolve». Во время медитации, естественно, думать об этой точке было невозможно — надо было определиться с пунктом назначения заранее.

Тогда ум мог шагнуть в новое пространство автоматически — вернее, даже не шагнуть, а вывалиться туда без всяких размышлений,

как только мгновенная конфигурация феноменов делала это возможным. Медитатора как бы засасывало в новый мир из прежнего, а брошенное тело оставалось здесь...

Вернее, как я понял из объяснений монаха, все это «здесь» оказывалось сном, от которого практик пробуждался; если во сне вы были кошкой, тело кошки оставалось во сне, но где оставался сам сон со всеми своими физическими уравнениями, бухгалтерскими балансами и материальными незыблемостями? Да там же, где остальные сны.

Я сразу почувствовал в этой технике невероятную силу. За гранью, где кончалось известное, была смерть — и, может быть, новая жизнь. Но делать последний шаг следовало с осторожностью.

С точки зрения монаха, выбор маршрута был прост.

— Зачем вам становиться зверем? Зачем падать в ад или мир голодных духов? Человеком вы являетесь и так. Значит, вы можете стать либо асурой, либо богом. Это интересные путешествия. Пространства этих лок неизмеримы...

Кажется, монах не допускал мысли, что мне покажется привлекательной другая версия человеческого существования, и рассказывал в основном о том, как войти в пространство асуров.

— Самый легкий способ — это представить, как катишься вниз по бесконечному зеленому склону и клянешься больше не пить вина, — сказал он. — Звучит глупо. Но попробуйте настроиться на это восприятие, и вы сразу ощутите отклик с той стороны. Только не ошибитесь с визуализацией. Вообразите, что зеленый склон огромен, просто бескраен — а рядом катятся вниз ваши соплеменники. Происходящее должно казаться вам трагедией. Смеяться над этим ни в коем случае нельзя, иначе можно стать богом... Есть и другие методы, конечно, но этот самый древний и действенный. То, что подходит новичку.

Мир сражающихся демонов, однако, меня не привлекал. Когда монах спросил почему, я ответил, что военная служба похожа на него и так.

Монах был озадачен.

— Я думал, именно это и покажется вам интересным. Всякое там фехтование, и вообще...

— Вы сами бывали в мире асуров? — спросил я.

— Я переносюсь в это измерение весьма часто, — сказал бирманец. — И проживаю там целые жизни.

— А потом?

— Потом возвращаюсь. Например, сюда.

— Но корова с телянком убивает на самом деле, разве не так?

– Да, – ответил монах. – Но если вы выберете вернуться в ту же точку, откуда отбыли, окружающие не заметят вообще ничего. Главное, чтобы оставался кармический ресурс существования в прежней форме.

– То есть вы хотите сказать, что каждый раз после вашего отбытия вы умираете, вас хоронят, прощаются с вами и так далее, а потом вы, прожив целую жизнь в другом месте, возвращаетесь назад и отменяете всю историю с похоронами?

– Вероятно, – сказал монах. – Повторяю, я не задумывался, что происходит после моего ухода. И происходит ли что-то вообще. Это вопрос настолько мутный, что на него не брался отвечать сам Будда. Поскольку я знаю, как вернуться в такое же точно место и в такое же точно тело, я возвращаюсь прямо туда, откуда отбыл. В следующий миг остается лишь память, еще через миг – память о прошлой памяти, и так далее. Безличные феномены, над которыми ни у кого нет контроля. Вы, как опытный медитатор, должны понимать.

– Я понимаю. Но ведь это значит, что вы можете перемещаться в пространстве и времени как вам угодно.

– А что вас удивляет? Бахия перенесся за ночь через всю Индию, чтобы поговорить с Буддой. Я просто воссоздал себя в другом месте. Такое в те дни умели многие – и это не

считалось чем-то особенным. Будда лишь объяснил мне, что возможно большее.

— Но почему вы... Бахия умер сразу после встречи?

— Моя жизнь в одежде из коры подходила к концу, вот и все. Но Бахия мог вернуться в наш мир в другом облике. И он это сделал. Через двести лет я прошел всю Азию с солдатами царя Александра и почти возвратился домой.

— Верится с трудом, — сказал я. — Но хотелось бы, конечно, научиться подобному.

— Сложно стать опытным путешественником без тренировки, — ответил монах. — Лучший выход — переселиться в более спокойное место, где вы сможете продолжить практику. Это дело многих жизней, мой друг.

— Но идет война.

— Я говорю не об этом мире и не об этом времени, — ответил монах. — Я помогу вам совершить первый прыжок, а дальше вы должны тренироваться сами.

Я сказал, что мне нравится человеческое измерение, так как оно больше всего подходит для практики. Это говорил сам Будда.

— Верно, — вздохнул монах. — Больше здесь делать особо нечего.

— А можно ли, — спросил я, — перенестись в мир собственной конструкции?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, придумать новый дом самому, а потом туда попасть. Кажется, вы упоминали такую возможность.

— Все, что можно вообразить, существует. Представьте себе пункт назначения, и наверняка это место найдется.

— А как узнать точно?

— Если такой мир есть и сформированное медитацией притяжение достаточно для прыжка, вы это ощутите. Если ваше воображение создаст невозможную конструкцию, вы тоже поймете. Это как простукивать стену. По звуку понятно, есть за ней пустая полость или нет.

— Простукивать стенку, — повторил я задумчиво.

— Не самое удачное сравнение, конечно. Но вы поймете, есть ли дверь, соответствующая вашему ментальному усилию... Если ее нет, теленок не родится.

— Я могу перенестись в качестве человека куда угодно?

— Да. В любое место, которое вы представили себе достаточно хорошо, чтобы сформировать притяжение. Можно стать человеком другой эпохи. Как прошлой, так и будущей.

— Прошное? — изумился я. — Но ведь оно уже случилось.

— Из уважения к вам оно случится еще раз. И окажется, что вы всегда были его частью.

*

Я еще не верил до конца, что подобное осуществимо. Но все равно стал думать по ночам — есть ли у меня мечта? Кажется, ответить несложно. Но я считал так потому, что никто не предлагал мне исполнить мою мечту.

Махаяна учит нас ставить выше всего благо других.

Освободить человечество... Кто в двадцатом веке не думал о подобном? Вникая в риторику революционных вождей и европейских политиков, я представлял себе источник мирового зла в фантастических и мрачных образах — наполовину людей, наполовину демонов ада. Я думал, что достойной участью было бы пожертвовать собой, чтобы найти и вырезать эту опухоль. Поразить ее сверкающим мечом справедливости и умереть.

Судьба героя казалось мне прекрасной. Выслушав меня, монах развеселился. Он предупредил, что подобные планы строить опасно — им свойственно сбываться даже после того, как мы про них забудем.

— Хотите победить владыку демонов и спасти человечество? — смеялся он. — Да сколько угодно. Ум создаст целый мир со своим добром и злом, где главный демон будет просто жуткой куклой, сотворенной вашим собственным воображением. А умирать придется по-настоящему.

Услышав слово «кукла», я понял, что он прав. Мне грезилось романтическое, но глупое приключение. Следовало стремиться к чему-то другому.

В целом я знал, какой сон мне хочется увидеть.

Его сюжет был так же прост, как невозможен.

Открыть глаза однажды утром и понять, что гнилые джунгли, куда нас пригнали умирать, коварные англичане, наивные американцы, идиотская война, да и вообще весь страшный двадцатый век с его ложью, кровью и мерзостью — просто привидевшийся мне кошмар, от которого я навсегда проснулся.

Это не означало умереть. Наоборот, это было полной противоположностью смерти. Умереть означало заснуть. А я хотел очнуться.

Пробудиться от мира — да, это было главное. Но куда?

Я размышлял об этом наполовину в шутку, как в детстве, когда воображаешь себя то морским волком, то дирижером, то летчиком. Мысли эти, зарождаясь веселыми пузырями, мгновенно набирали вес и превращались в надежду. Доктора называют такую работу мозга шизофренией. Но ведь любой человек, твердящий «вижу будду Амида» в надежде на западный рай, занят в точности тем же самым...

Меня не привлекали высшие миры чувственного наслаждения. Искуситель Будды Мара, как мы знаем, и есть господин одного из них. Я хотел остаться человеком и догадывался почему – лишь так могла сбыться моя мечта о творчестве. Единственной магии, в ценность которой я по-настоящему верил.

Я вспоминал свой восторг и ужас от вида куклы Тоетоми Хидэеси, сидящей на крохотном стуле. Хоть и сделанная с моей помощью, она была для меня так же жива, как родители или старый мастер-кукольник. Ничего сравнимого с этим упоением с тех пор я не переживал.

Я полагаю, что в способности к творчеству наша раса (я имею в виду людей, а не японцев) не уступает ни богам, ни асурам. Наоборот, мы их превосходим.

Человеческий удел горек. Искусство заставляет нас плакать, когда мы узнаем в чужих невзгодах свои (это называется «трагедией»). Еще мы умеем весело хохотать над чужими бедами (это называется «комедией»). В мире, где горя нет, такое невозможно.

Мало того, мы считаем себя способными меняться и верим в постепенное движение к совершенству. Поэтому наше искусство еще и назидательно.

Бронзовый будда из Камакуры, которого я почитал вершиной человеческого творения,

указывал людям путь, ведущий к избавлению от скорби. Таким же был христианский канон с его культом божественных ран. Правда, Возрождение заменило высокую трагедию обещанием телесного наслаждения, замаскировав его под духовную притчу. Европейские нобили платили художникам за молоденьких Св. Себастьянов, как богатые азиаты – за возбуждающий порошок из кости носорога.

Да, думал я, мы мечемся между радостью и мукой, мы лукавы даже наедине с собой, но именно это и делает наш опыт несравненным. Наша боль отмерена ровно в той пропорции, чтобы мы всю жизнь на что-то надеялись – и, как моллюски, выделяли из себя перламутр, пытаясь запечатать им навсегда источник страдания. Так растет великий коралл искусства. Ради этого, верно, нас и создали высшие силы.

Миры, стоящие над нами, никогда не превзойдут людей в творчестве – их обитатели счастливы. А что может создать счастливое существо? Зачем ему высекать что-то в камне или братья за кисть?

Кажется, Лев Толстой писал в одной из своих сатир, что счастливые люди радостны одинаково, а у боли и неурядиц множество оттенков. Да, это так. Искусство счастливого мира будет просто довольным мычанием. В аду сил хватит только на стон. Лишь в точке

баланса радости и горя возможно чудо истинного творчества.

Чтобы моя мечта осуществилась, следовало остаться человеком. Но было бы хорошо освободиться от связанных с телом невзгод. Я хотел уйти в счастливый сон, в реальность, где исчезает грань между действительностью и мечтой.

Я допускал, конечно, что у подобной утопии будут свои тайные шипы. Но думать о них мне не хотелось. Соблазн был слишком велик, и дождливыми ночами я стал понемногу воображать своего «теленка», настраивая окончательную медитацию.

Я создавал новый мир постепенно и тщательно, как когда-то в детстве — куклу самурая.

Я представлял себе место, где люди остаются людьми, но не зависят от своего животного каркаса. Где любовь совершенна и ее не оскорбляет телесное безобразие. Где человеческое тело — не обязательство умереть в муках, а всего лишь одна из возможных форм проявления, и смерть не нависает над каждым днем и часом, как красная луна над гравюрами безумного Цукиоки Еситоси.

Пусть моя жизнь здесь, в Бирме, станет просто одним из кошмаров, от которых просыпаешься в холодном поту, а потом хохочешь...

Впрочем, если честно, совсем просыпаться я не хотел. Скорее, я хотел видеть один за другим волшебные сны.

Мне представлялась последовательность погружений в новый опыт, где спящий знает, что спит, и может управлять своими видениями. У такого сновидца будут прекрасные любовники и любовницы. Он будет избавлен от телесных невзгод. В творчестве же его не превзойдет никто (правда, думая о творчестве, я до сих пор думал только о куклах). Если подобное существование возможно, не так уж важно, на каком фундаменте оно основано...

Поразительно, но такой мир, похоже, существовал. Это показывала моя практика. Я понял, что бирманец имел в виду, обещая, что «реальность ответит».

Чем точнее становился чертеж воображаемой вселенной, тем головокружительней (в самом прямом смысле) делалась моя медитация. За стеной, которую я простукивал, определенно скрывалась тайная комната.

Я мог в нее войти. Создаваемый мною «теленки» уже способен был подхватить меня, сделав мою прежнюю жизнь сном. Когда я сливался с потоком трансформаций, он подходил к грани, где кончалось все известное.

В одном мире я был японским офицером в бирманских джунглях, в другом мои природа

и статус были пока не ясны. На самой границе притяжение этих пространств уравнивалось. Стоило пересечь ее, и...

*

Я думаю, что долго флиртовал бы с неизвестным, но помогла война.

Мой вещий сон продолжал сбываться. Скоро я увидел фотографии снившихся мне самолетов. Это были американские истребители «F4F-Wildcat». Дикие кошки. Про них говорили, что они хуже и медленнее наших «Зеро» в воздушном бою, но тяжелее, прочнее и могут пережить намного больше попаданий.

По виду этот «Вайлдкэт» напоминал разбухший на жаре труп нашего «Зеро» — тот же тупой нос с радиальным двигателем, но неприятно пузатый фюзеляж. Вид этой машины вызывал во мне инстинктивное отвращение и напоминал о мертвом английском летчике в джунглях. Армия летающих трупов против Империи Солнца...

В первых числах сентября я получил приказ о переводе на Соломоновы Острова. Там нужны были переводчики. На сборы давали три дня.

Гуаданканал. Этого слова в приказе не было, но все сразу стало ясно. Остров был уже захвачен врагом, и теперь мы пытались отбить его назад. Вот почему в моем вещем сне наши